ISSN 0258-0802. LITERATŪRA 2002 44(2)

# ЕВГЕНИЙ ШКЛЯР О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

**Эдуард Мекш**

Даугавпилсский университет
Кафедра русской литературы и культуры

30 декабря 1925 г. популярная русская газета в Латвии *Сегодня* опубликовала скорбную статью «Самоубийство поэта Есенина», подписанную «М. Г-н», три лирические миниатюры поэта («Слышишь, мчатся сани...», «Сочинитель бедный, это ты ли?..», «Голубая кофта. Синие глаза...») и стихотворение Евгения Шкляра «Сергей Есенин».

Криптоним «М. Г-н» принадлежит Максиму Ипполитовичу Ганфману (1872–1934) – главному редактору газеты *Сегодня*[1], стихотворное же посвящение было написано известным в Балтии в 1920–1930-е годы русским поэтом, переводчиком, критиком Евгением Львовичем Шкляром (1893–1941), который не только хорошо знал стихи Сергея Есенина, но и лично видел поэта в 1922 и, возможно, в 1923 гг. в Берлине.

Е. Л. Шкляр – профессиональный литератор; творческая судьба его переплелась с литовской поэзией в независимой Литве, где он в начале 1920-х годов публиковал свои стихи в газетах *Эхо*, *Вольная Литва*, журнале *Зеркало*. Позднее с 1928 г. по 1938 г. (с перерывами) Шкляр редактировал в Каунасе международный *Балтийский альманах*. Одновременно он был издателем и редактором газет *Наше эхо* (1929–1931), *Литовский курьер* (1932–1933), *Литовский вестник* (1935–1939), широко печатался в рижской и таллиннской периодике (*Народная мысль*, *Сегодня*, *Наш огонек*, *Для вас*, *Вести дня*). Большую часть своей жизни (с 1920 г.) он прожил в Литве (в Каунасе) и в Латвии (в Риге), но его хорошо знала русская эмигрантская диаспора и в Берлине, и в Париже. Первая его книга стихов *Кипарисы* вышла в Каунасе в начале 1922 г. Три последующие книги (*Караван*, *Огни на вершинах* и *Вечерняя степь*) вышли в свет в Берлине в 1923 г. Через два года, в 1925-м, в Риге Шкляр публикует свою пятую книгу *Посох*. В 1927 г. в Париже он издает свою шестую книгу *Летува золотое имя*. В 1929 г. в Риге появляется отдельным изданием поэма Шкляра *Илья, Гаон Виленский*, а в 1935 г., тоже в Риге, издана его последняя книга *Poeta in aeternum*.

[1] О важнейшей русской газете в Латвии в 1920–30-е годы см.: Абызов 1992; 206–207.

Шкляр хорошо знал современную ему балтийскую поэзию, он переводил стихотворения многих знакомых ему литовских (также и латышских) поэтов и некоторых прозаиков, оставаясь при этом и оригинальным автором, основательно знакомым с текущей русской литературой, как в эмигрантской среде, так и в советской России, особенно привязан он был к Бальмонту, с которым переписывался с 1921 года (подробнее см.: Лавринец 1999, 110–119). Посвященное гибели Есенина стихотворение Шкляра, в отличие от других его текстов, публиковавшихся, как правило, на страницах периодики и затем включавшихся в его сборники, не вошло ни в одну из его книг стихов и, насколько известно, ни разу не перепечатывалось и, вероятно, поэтому не привлекало внимания исследователей. Однако это было не первое обращения Шкляра к личности и творчеству русского поэта.

26 и 29 июля 1923 г. в каунасской газете *Эхо* был опубликован небольшой цикл очерков Шкляра «Литературный Берлин (Заметки и впечатления)»[2]. Цикл включал восемь миниатюр. В самом начале цикла Шкляр заявлял: «В Берлине теперь находится свыше 800 русских писателей и журналистов – цвет российской пишущей братии». Из 800 литературных имен он упоминает тридцать две фамилии русских литераторов и их издателей. В первом очерке Шкляр выделил «крупные величины» и перечислил их. Это – Максим Горький, Андрей Белый, Василий Немирович-Данченко, Семен Юшкевич, Алексей Ремизов, Тэффи, профессор Юлий Айхенвальд, Александр Амфитеатров, Александр Куприн, Аркадий Аверченко. Последующие очерки более монографические и посвящены отдельным лицам: второй очерк говорит о Немировиче-Данченко, третий – об Андрее Белом, четвертый – об Алексее Толстом, пятый – об Игоре Северянине, Кусикове, Есенине, в шестом речь идет об Илье Эренбурге, в седьмом – о Николае Никитине и «серапионах», в восьмом – о берлинских издателях. В силу заданной жанровости («заметки»), текст Шкляра не содержит развернутых описаний, однако надо отметить его наблюдательную зоркость, отразившуюся в метких характеристиках, зачастую, правда, внешнего типа. Это, в основном, относится к писателям, прибывшим из советской России, таким, как Андрей Белый, Владимир Маяковский, Николай Никитин, Кусиков и Есенин. Так, Маяковский назван Шкляром «звездой десятой величины», Есенин охарактеризован «не столько талантливым, сколько крикуном».

Сергей Есенин был в Берлине с 11 мая по 4 июля 1922 г. и с 16 февраля по 10 апреля 1923 г. По собственному свидетельству Шкляра в статье, написанной несколько лет спустя в связи с самоубийством Маяковского, ему довелось присутствовать на выступлении Есенина в берлинском «Доме искусства» 12 мая 1922 г.[3] Шкляр описывает этот скандальный вечер следующим образом:

[2] Текст очерков Е. Шкляра доступен в Интернете, см.: Евгений Шкляр, «Литературный Берлин (Заметки и впечатления)», *Балтийский архив*, http://www.russianresources.lt/archive/Shkliar/Shkliar_8.html (смотрено 2002 04 30).

[3] Приношу искреннюю благодарность Павлу Лавринцу, указавшему мне на мемуарную статью Шкляра о Маяковском, в которой говорится об этом вечере Есенина в Берлине.

[...] в 1922 году мне довелось в Берлине слушать чтение Сергея Есенина, быть на том знаменит[ом] скандальном вечере, где Есенин и Кусиков впервые выступали перед берлинской эмигрантской и советской публикой в своем репертуаре «со словами». «Слова были настолько особенные, что ни одна типография не могла бы их напечатать, а кроме того, часть публики, в частности, дамы, сконфуженные и близкие к обмороку, должны были спешно эвакуироваться из зала.

Когда раздались крики: «подлецы, негодяи!» и т[ому] подобные лестные эпитеты, Есенин встал в позу, приложил ко рту два пальца и пронзительно свистнул на весь зал. А сзади стали покрикивать: «Валяй, со словами!» И Есенин продолжал свое чтение.

И несмотря на кабацкую заборную ругань у Есенина чувствовалась необычайная простота, полное отсутствие надуманности... (Шкляр 1930)

Шкляр говорит, что вечер оказался скандальным потому, что был «со словами». Это не совсем так. На самом деле, как об этом пишут многие очевидцы, в частности, Глеб Алексеев, вечер стал скандальным из-за того, что в толпе

[...] кто-то в прорвавшемся азарте крикнул: «Интернационал», – пять хриплых голосов неверно ухватили напев, и тогда свистки рванулись... [...] И вот я видел, как он [*Есенин – Э. М.*] победил.

– Не понимаю, – сказал он громко, – чего они свистят... Вся Россия такая. А нас...

Он вскочил на стул.

– Не застращаете! Сам умею свистеть в четыре пальца...

И толпа подалась, еще захлопали, у вешалки столпились недовольные, но Есенин уже успокоился... (Алексеев 1993, 181)

Шкляр, как видим, заметил скандальную сторону поэтического вечера Есенина, но объяснил ее в традициях эмигрантского отношения к поэту. В 1923 г. он также мог видеть поэта, когда приезжал в Берлин по делам выпуска своего третьего поэтического сборника: в январе 1923 г. вышла книги *Караван*, после чего в газете *Эхо* в конце январе, в феврале и в самом начале марта, помимо стихотворений, появилось несколько театральных заметок под прозрачными криптонимами «Е. Ш–р» и «Е. Ш.», свидетельствующих о пребывании автора в Каунасе, со второй же половины марта участие Шкляра в газете прерывается, сводясь к публикациям стихотворений 31 марта, 2 и 9 апреля, 21 мая, а в конце мая 1923 г. в Берлине вышла книга стихов *Огни на вершинах*. В июне того же года в газете *Руль* появилась небольшая рецензия на эту книгу Шкляра, в которой рецензент, скрывшийся за литерой «О.», отмечает ее подражательный характер, причем усматривает подражание именно Есенину и, еще точнее, – «Есенину первого периода». Все это говорит о том, что, как ни скрывал Шкляр у себя есенинскую традицию, она все же проявлялась в его творчестве, хотя в заметках своих он называл Есенина «крикуном», а не поэтом. Об этом можно прочитать в пятой миниатюре «Литературного Берлина» (процитируем заметку полностью):

В прошлом очерке нам пришлось коснуться писательского Берлина в его значительной, прославленной годами и опытом, части... Но появляются новые, уже обратившие на себя внимание, имена – иные по способности, другие как герои скандала.

Из корифеев футуризма – Игорь Северянин стал сменовеховцем и удостаивается чести бывать на Бойтштрассе – в *Накануне*. Лидеры имажинизма, – пресловутые «черкесы», Сергей Есенин, не столько талантливый, сколько крикун, и неунывающий

А. Кусиков, принципиальный буян, – оба тратят большие деньги, занимаются частыми путешествиями Берлин–Париж–Нью-Йорк и обратно.

Откуда у них берутся деньги – никому неведомо, – известно лишь, что у Есенина состояние его супруги, Айседоры Дункан, приходит к концу, Кусиков же промышляет неведомо чем и часто бьет стекла в ресторанах.

Есенин в пятой «заметке» Шкляра представлен, вместе с А. Б. Кусиковым (1896–1977), как «пресловутый черкес». Это – аллюзивная цитата стихотворных строк Кусикова: «Про меня говорят, что я сволочь. / Что я хитрый и злой черкес...» (Эренбург 1990, 395). К тому же он не столько «талантливый» поэт, сколько «герой скандала», тратящий «большие деньги» и занимающийся «частыми путешествиями». Аналогичную мысль высказывал и журналист А. Яблоновский (Снадзский): «С именем Есенина как-то само собой связывается представление о нестерпимом скандале» (Яблоновский 1993, 53). Если Шкляр, возможно, и видел Есенина в Берлине в 1923 г., после возвращения поэта из Нью-Йорка и Парижа, то информация его все же строится на слухах о «браке по расчету» с Айседорой Дункан[4] и ресторанных скандалах. И оценка Шкляром Есенина тоже скорее заемная, чем своя, ибо о том, что Есенин «не столько талантливый, сколько...», писали и И. Бунин, и З. Гиппиус, и Д. Святополк-Мирский.

В 1925 г. отношение Шкляра к Есенину меняется. Этому, во многом, будут содействовать изданные в Берлине книги поэта: в 1922 г. – отдельное издание *Пугачева* и тома *Собрания стихов и поэм*, подготовленные издательством З. И. Гржебина, в 1923 г. – сборника *Стихи скандалиста*. Все названные книги достаточно полно представляли творчество поэта от его ранних произведений до творений 1922–1923 гг. (см.: Юсов 1994, 39–42)

О хорошем знании Шкляром поэзии Есенина свидетельствуют как весь текст его стихотворения «Сергей Есенин», опубликованный в *Сегодня*, так и предваряющий стихи эпиграф:

> Все познать, ничего не взять –
> В этот мир пришел поэт
>
> *С. Есенин*

Процитированные Шкляром строки взяты из маленькой поэмы Есенина *Кобыльи корабли* (1919). Шкляр, очевидно, цитирует их по памяти, и вторая строка у него получилась метатезной: у Есенина в анакрузе стоит глагол – «Пришел в этот мир поэт...». Строки, приведенные Шкляром в качестве эпиграфа, свидетельствуют, что он знал гржебинское издание Есенина, в котором *Кобыльи корабли* были опубликованы в одноименном разделе. Знал Шкляр и другие берлинские издания Есенина, о чем свидетельствуют аллюзивные цитаты уже в самом тексте стихотворения «Сергей Есенин». Но прежде, чем говорить о есенинских цитатах, познакомимся с самим текстом стихотворения Евгения Шкляра «Сергей Есенин»:

> Это ты ли, Сережа Есенин, –
> Буйный хмель в золотой голове,
> Подружившийся с ветром осенним
> Там, в далекой, «кабацкой» Москве?..
> Это ты ли, веселый и грубый,
> Балагур и нежнейший поэт,

[4] Разговор об отношениях С. Есенина с американской танцовщицей вышел на первое место в зарубежной журналистике, в том числе и в балтийский; см.: Яблоновский 1923.

Спел свой страшный последний сонет?..
И с дрожащей петлей наготове,
С ослабевшей, усталой душой.
Исходящей слезами и кровью,
Отошел – одинокий, чужой?..
Но созвучному сердцу поэта
Ты по-прежнему близок и мил.
Ибо верил ты в Солнце и лето,
Ибо Русь ты безумно любил!..
И во власти слепого дурмана,
Веря в алый и призрачный дым,
Ты рыдал по забытым крестьянам,
По просторам и травам степным!..

Одна из есенинских цитат связана с обозначением Москвы как «кабацкой» (в сборнике *Стихи скандалиста* так назван цикл, состоящий из четырех стихотворений: «Да! Теперь решено! Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь гармоника! Скука, скука...», «Пой же пой! На проклятой гитаре...»), другая цитата явно ориентирована на поэму *Пугачев* (допустимо предположение, что Шкляр не только читал эту поэму Есенина, но и слышал чтение фрагментов ее самим поэтом). Шкляровский «кистень душегуба» ориентирован на Хлопушу, на следующие его слова в есенинском тексте: «Был я каторжник и арестант, / Был убийца и фальшивомонетчик». Имеется в стихотворении Шкляра и явный есенинский образ – «золотая голова». В целом же, стихотворение Шкляра, посвященное Есенину, продолжает поиски ответа на непонятную ранее (в 1923 г.) дилемму: что преобладало в поэте – хулиганство («не столько талантливый, сколько крикун») или же поэтическая одаренность («нежнейший поэт»). Насколько сам Шкляр стал близок Есенину – трудно сказать, но наименование поэта «Сережей» говорит о дружественности и расположенности к нему.

Образ Есенина у Шкляра не однозначный, он строится на антиномиях: «буйный хмель в золотой голове», «веселый и грубый», «балагур и нежнейший поэт», «с ослабевшей, усталой душой». И творчество его понимается Шкляром тоже как не лишенное противоречий, воспевающее «кистень душегуба» «в далекой, «кабацкой» Москве» и рыдающее «по забытым крестьянам».

В целом же, все стихотворение Шкляра созвучно статье М. Ганфмана, который в самом начале публикации сообщал подробности самоубийства поэта: «Запершись в номере, Есенин перерезал себе вены обеих рук, исписал своей кровью записку, добрался до трубы отопления и на веревке повесился.

Согласно советскому сообщению, содержание записки разобрать не удалось»[5]. Что это была не «записка», а стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», этого не знал ни главный редактор *Сегодня*, ни его сотрудники. Шкляр же предположил, что это могло быть поэтическое произведение, и Есенин в «Англетере» «спел свой страшный последний сонет». Но, так же, как и большинство людей, Шкляр исходил из версии о самоубийстве, отсюда в его произведении возникает образ «дрожащей веревки».

В стихотворении Шкляра видна и попытка объяснения гибели поэта: Есенин, как предполагал Шкляр, погиб одиноким изгоем советской реальности,

[5] Статья редактора газеты *Сегодня* М. Ганфмана «Самоубийство поэта Есенина» полностью перепечатана Михаилом Богустовым в альманахе *Лукоморье* (Рига, 1995, вып. 1, 127).

а его стихи свидетельствуют о глубокой разочарованности в революции:

И во власти слепого дурмана,
Веря в алый и призрачный дым,
Ты рыдал по забытым крестьянам,
По просторам и травам степным!..

В стихотворении Шкляра можно усмотреть и пушкинский парафраз:

Но созвучному сердцу поэта
Ты по-прежнему близок и мил...

В данном случае Шкляр, возможно, ориентировался на известную мысль Пушкина:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Т. е., память о поэте сохраняют не читатели, а собратья по перу. И пока будут жить поэты, сохранится память и о Пушкине, и о Есенине, и о других ревнителях поэтического слова.

## ЛИТЕРАТУРА


Абызов 1992 – Абызов Ю., «Газета *Сегодня*», *Звезда* 1992, № 5–6, 206–207.

Алексеев 1993 – Алексеев Глеб, «Сергей Есенин. Живые встречи», *Русское зарубежье о Есенине.: в 2 тт., т. 1: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи*, М.: Инкон, 177–182.

Лавринец 1999 – Лавринец Павел, *Русская литература Литвы (XIX – первая половина XX века)*, Вильнюс: Вильнюсский университет.

О. 1923 – О., «Евгений Шкляр. *Огни на вершинах*. И-во Отто Кирхнер. Берлин, 1923 г.», *Руль*, 1923, № 773, 17 (4) июня.

Шкляр 1923 – Шкляр Е., «Литературный Берлин (Заметки и впечатления)», *Эхо*,1923, № 197 (876), 200 (873), 26 и 29 июля.

Шкляр 1925 – Шкляр Е., «Сергей Есенин», *Сегодня*, 1925, № 293, 30 декабря.

Шкляр 1930 – Шкляр Е., «'Ненужный даже, должен жить!' (Несколько слов о Маяковском)», *Наше эхо*, 1930, № 336, 19 апреля.

Эренбург 1990 – Эренбург И. Г., *Люди, годы, жизнь, т. 1*, М., 1990.

Юсов 1992 – Юсов Н. Г., *Прижизненные издания С. А. Есенина*, М.

Яблоновский 1923 – Яблоновский А., «Морганатический супруг», *Сегодня*, 1923, № 53, 13 марта.

Яблоновский 1993 – Яблоновский А., «Есенин», *Русское зарубежье о Есенине: в 2 тт., т. 2: Эссе, очерки, рецензии, статьи*, М., 52–54.